

МУРЗИЛКА

XV 63
II

Журнал Центрального Комитета ВЛКСМ
и Центрального Совета Всесоюзной
пионерской организации имени В. И. Ленина

2
ФЕВРАЛЬ
1960

ЧУЖАЯ КАЛИТКА

Евгений ПЕРМЯК

Рис. А. БРЭЯ

Алёша Хомутов рос мальчиком старательным, заботливым и работающим. Его очень любили в семье, но больше всех Алёшу любил дедушка, любил и, как мог, помогал ему расти хорошим человеком. Не баловал дед внука, но и не отказывал в том, в чём можно не отказать.

Попросит Алёша научить его ловушки на хорьков ставить — пожалуйста! Трудно ли деду показать, как эти ловушки ставятся? Дрова пилить вздумает Алёша — милости просим! Дед за одну ручку пилы держится, внук — за другую. Помучится парень, да научится.

Так и во всём... Красить ли крылечко задумает малец, огурцы ли на окошке в ящике выращивать — дедушка никогда не перечил. Одного только от внука требовал:

— Коли берёшься за дело — доведи его до конца. А если видишь, что дело тебе не по рукам, подожди, когда вырастешь.

Вот так и жил Алёша. Всех в своей большой семье радовал, и сам радовался, настоящим человеком себя чувствовал, и другие его таким же называли.

Хорошо на свете жить, когда тебя люди хвалят, когда всё тебе удаётся! Даже в пасмурный день на душе светло и весело. Но как-то и с Алёшей случилось такое, что пришлось призадуматься.

А всё началось с того, что пошёл он с дедом в лес тетеревов добывать. А дорога в лес шла через садовый питомник, где выращивались молодые деревца. Питомник был хорошо огорожен, потому что и стадо может забрести да повытоптать саженцы. И лосей теперь столько развелось, что они даже в село как домой приходят. А уж про зайцев и говорить нечего: обгложут кору молодых яблонек или груш — и конец.

Пришёл Алёша с дедом к питомнику и видит, что калитка открыта. Хлопает калитка на ветру. Щеколда у калитки ото-

рвалась. Заметил это Алёша и говорит дедушке, как взрослый:

— Хозяева тоже мне!.. Пустое дело — на три шурупа щеколду привернуть, а не хотят. Потому что чужая щеколда и ничья эта калитка...

— Что говорить, Алёшенька, — поддержал дедушка разговор, — и петли бы у калитки не худо сальцем смазать, а то того и гляди переест их ржа и калитка на землю свалится.

— И свалится, — подтвердил Алёша. — Она и так еле-еле держится. Плохо, дедушка, быть чужой калиткой...

— Да, уж куда хуже быть чужой калиткой, — опять согласился с внуком дед. — То ли дело наша калиточка. И синей красочкой она тобой покрашена, и петельки чистым нутряным сальцем смазаны, и щеколда у неё «трень-брень», как музыка. Своё, оно и есть своё...

Тут дед посмотрел на внука, улыбнулся чему-то и дальше зашагал.

Прошли они сколько-то — может, километр, может, два — и решили на скамейке посидеть на лесной просеке.

— А чья, дедушка, эта скамья? — вдруг спросил Алёша.

— Ничья, — ответил дед, — чужая. Какой-то человек взял да вкопал два столбика, да прибил к ним доску. Вот и получилась скамья. Кому надо — отдыхай. Никто этого человека не знает, а все спасибо ему говорят... Только скоро эта скамейка тоже, никак, кончится: столбики у неё подопрели. Ну, так ведь чужая скамья, и никому до неё нет дела. Не то что наша у ворот, ухоженная да покрашенная...

Тут дед снова посмотрел на Алёшу, потрепал его по розовой щеке и опять улыбнулся чему-то.

В этот день они добыли трёх тетеревов. Из них двух Алёша выследил.

— Вот так охотник растёт у нас! — похваливает Алёшу мать. — Подстрелить тетерева всякий может, а выследить его редкий умеет.

Весёлый был ужин в этот воскресный вечер, но Алёша почему-то молчал и о чём-то всё думал.

— Устал, наверно, милый сын? — спросил Алёшу отец.

— А может, с дедом не ладила? — спросила бабушка.

— Да нет, нет, — отмахнулся Алёша, — не устал и ладила с дедушкой. Очень даже ладила.

Прошла неделя, а может быть, и две. Опять старого да малого послали в лес. Зайца напиговать решили.

Отправились дед с внуком по первому снегу на охоту. Опять пошли через садовый питомник. Глядит дед — и глазам не верит. У чужой калитки не только щеколда на хорошие шурупы привёрнута, не только петли белым салом смазаны, но

и краска на калитке как небо в мае месяце.

— Алёшка, ты погляди, — указывает дед, — никак, у чужой калитки родня нашлась.

— Наверно, — отвечает Алёша и дальше идёт.

Шли они по старой дороге и на просеку вышли. Добрались до скамейки, где в прошлый раз отдыхали, а скамейку не узнать. Столбики новые вкопаны, доска той же синей краской покрашена, что и калитка, да ещё спинка у скамьи появилась.

— Вот тебе и на! — удивляется дед. — У ничьей скамейки хозяин нашёлся. Омолодил скамеечку, а спасибо сказать некому. Знай бы я этого человека, в пояс бы ему поклонился и руку ему пожал.

Тут дед снова заглянул в Алёшины глаза и спросил:

— А ты не знаешь, как звать этого мастера, Алексей?

— Нет, — ответил Алёша, — я не знаю его, дедушка. Знаю только, что весной на-

ши ребята хотят школьную изгородь подновлять. Совсем покосилась.

— Это хорошо, — сказал дед.

— А что хорошо? — спросил Алёша.

— Хорошо, что ты мастера не знаешь, который скамью починил и чужую калитку за свою посчитал... А что касемо школьной изгороди, — сказал дед, разводя руками, — я даже слов подобрать не могу. Видно, приходит, Алёша, такое время, когда всё оказывается своё и наше...

Дед опять заглянул внуку в глаза.

За лесом в это время поднялось позднее зимнее солнце. Оно осветило дым далёкого завода. Алёша залюбовался золотистым, окрашенным солнцем дымом. Дед заметил это и снова заговорил:

— А завод-то, Алёша, который дымит, тоже чужим кажется, если глядеть на него, не подумавши. А он ведь наш, как и вся наша земля и всё, что на ней есть.

Алёше захотелось прижаться к деду, и он сделал это, спрятав лицо под полкой дедушкиного полушубка.

ЗДЕСЬ НАШЛИ МАРЕСЬЕВА

М. КОРШУНОВ

Рис. Ю. РАКУТИНА

Меня вёл Федя. Он шагал впереди в потёртой армейской пилотке и в рубашке, перешитой из отцовской гимнастёрки с ещё фронтowymi, покрашенными краской пуговицами.

Мы шли лесом. Земля была усыпана хвоей. Хвоя терпко пахла и хрустела под ногами.

Федя отломил палку, и, когда мы продирались сквозь чащу, он снимал впереди нас паутину. Она намоталась на палку большим серым комом.

Мы вышли на лесную поляну, и Федя показал мне странный дуб. Был июль, а дуб стоял жёлтый, будто оплавленный бронзой. Листья его шелестели в летнем лесу осенним сухим шумом, лежали в па-

поротниках, на белых подушках оленьего мха, висели в ельниках, пойманные паутиной.

— Что с дубом? — спросил я.

Федя раздвинул кусты, и я увидел на стволе дуба огромные рубцы.

— Это во время войны, — сказал Федя. — Бронебойными... Люди говорят: «Может, когда по Маресьеву с воздуха стреляли». Ну, фашисты стреляли, которые гнались за его самолётом, чтобы добить.

Сзади нас было озеро Селигер, впереди — деревня Плав. Возле Плава 22 апреля 1942 года ребята нашли погибающего от голода, тяжело раненого лётчика Алексея Петровича Маресьева.

* * *

Лейтенант Маресьев дрался с немецкими самолётами из дивизии «Рихтгофен», пока не расстрелял патроны. Фашисты его окружили и хотели повести в плен на свой аэродром. Алексей Маресьев вырвался из окружения. Фашисты погнались и открыли огонь. Маресьев нырнул в облако. Мотор заглох: его повредили пули. Что же делать?

И тогда лётчик повёл машину на посадку. Он сел на лес. Машина врезалась в деревья. Хруст ветвей, звон металла, снег — и потом тишина: лётчика выбросило из кабины, и он потерял сознание. Фашисты долго ещё кружили над упавшим самолётом, простреливали лес.

Когда Маресьев очнулся, он лежал далеко от самолёта. Лётчик с трудом поднялся, шагнул и почувствовал острую боль: обе ноги были повреждены. Он оказался в лесу, в тылу у врагов, тяжело раненный. В кармане пистолет. В нём несколько патронов — вот и всё.

Маресьев осторожно двинулся вперёд. Он шёл медленно, падал, поднимался и снова шёл. Он пробирался к своим на звук боя. А когда не смог идти, начал ползти: от сугроба к сугробу, от канавы к канаве, от пенька к пеньку. Есть было нечего. Он

жевал ранние почки берёз, сосновую кору, выкапывал из-под снега прошлогодние ягоды клюквы и брусники.

Восемнадцать дней продолжался путь лётчика через лес, пока, вконец обессиленного, его не нашли деревенские ребята Серёжа Малинин и Саша Вихров. Они позвали своего деда и вместе с ним перевезли лётчика на санях к себе в землянку, где и спрятали от немцев. Ухаживала за лётчиком Ольга Михайловна Вихрова. Как сумела, перебинтовала ему ноги, кормила, подбадривала. Вскоре за Маресьевым прилетел наш санитарный самолёт. Лётчика отправили в Москву, в госпиталь. Ему хотели вылечить ноги, чтобы он смог вернуться в полк и сесть за штурвал самолёта. Но вылечить ноги не удалось. Их пришлось ампутировать. Лётчику сделали протезы, и он начал учиться ходить на протезах, а потом и учиться летать. Медленно, день за днём он привыкал управлять учебным самолётом. Лётчик без ног! Этому никто не хотел верить. И только сам Маресьев и его друзья в полку верили, что он будет летать.

Через несколько месяцев Маресьев закончил подготовку в школе и вернулся в свой полк. Он сел в боевой самолёт и поднялся в воздух, чтобы продолжать драться с врагами.

* * *

Мы снова вошли в лес.

Разнесённые ветром бронзовые листья дуба долго ещё попадались нам в траве.

Мы шли тем путём, по которому полз раненый лётчик, полз к своим на звук боя.

Лес делался гуще и темнее. Солнце осталось где-то среди вершин сосен. Колыхались влажные папоротники и заросли пушицы. В канавах ржавела старая дождевая вода. От болот тянуло запахом гнили. Холодная роса облила траву и деревья.

— Наверное, он тут и встретился с медведем, — сказал Федя.

— Похоже, — согласился я. — Лес совсем дикий.

— И ползти ему становилось всё труднее. Чашоба-то какая!

— Да, Федя. Он уже погибал.

Невольно мы замедлили шаг. Федя отломил новую палку, чтобы снимать паутину. Громко и одиноко колотил по сосне дятел, покрикивали в ельниках сойки.

— А вы его видели когда-нибудь? — спросил Федя.

— Видел.

И я рассказал Феде, что совсем недавно в Москве я разговаривал с Маресьевым вот об этих местах, об озере Селигер, о ребятах, которые его нашли. Ребята, конечно, уже выросли. Серёжа Малинин работает сейчас на станции Кувшиново, а Вихров Александр — в колхозе в деревне Плав.

Маресьев сказал мне, что собирается на Селигер повидаться с ними и с Ольгой Михайловной Вихровой. Она работает няней в яслях на станции Бологое.

— Он и сейчас летает на самолётах? — спросил Федя.

— Нет. Сейчас он работает в Комитете ветеранов войны.

И я объяснил Феде, что этот комитет борется за то, чтобы в мире не было новой войны, чтобы никто и никогда не погибал больше в окопах, в горящих танках, в сбитых самолётах, под взрывами ядерных бомб и снарядов.

Солнце перешло уже за полдень, когда Федя привёл меня к трём старым елям возле лесной вырубki. Здесь и нашли ребята лётчика Маресьева.

На одной из елей я увидел звезду Героя Советского Союза. Её осторожно вырезали на отпиленном сучке Федя и его приятель Гриша. Звезда натекла смолой и светилась золотистым блеском.

РИСУНКИ

«Закат над Сеной».
Рисунок Жана Колле (13 лет).

«Натюрморт».
Рисунок Е. М. (9 лет).

«Набережная Сены».
Рисунок Марселя Таркселя (13 лет).

У каждого из вас, ребята, есть друзья — в классе, во дворе, а то и на другом конце города. Вы любите с ними встречаться, вместе играть. Вам интересно знать, о чём они думают, что любят, о чём мечтают...

А как быть, если друзья ваши живут далеко — даже не на другом конце города, а в другой стране! Например, в Японии или во Франции. Ведь ребят на земле очень много, и все они — ваши друзья. Как же узнать, о чём они думают и мечтают, как они живут? «Лучше всего из писем!» — скажете вы. Но ведь ребята из разных стран говорят и пишут на разных языках и большей частью не понимают друг друга. Есть зато у ребят всех стран один общий язык, понятный каждому, — рисунки.

На этих страницах вы видите рисунки французских ребят. Маленькие французы, так же как и вы, ребята, рисуют то, что они любят, что им ближе всего: свой родной город Париж; дома, в которых они живут; цветы; портреты своих знакомых. Вот, например, рисунок «Закат над Сеной» Жана Колле. Жану тринадцать лет, и Сена для него всё равно, что для русского мальчика Волга или Москва-река. Жан любит свою реку Сену, он очень хорошо нарисовал её; и большой стальной мост через реку, и смешной старенький пароходик с косой трубой; и лодку с человеком; и баржу; и подъёмный кран. А на горизонте — трубы завода. На заводе, может быть, работает отец Жана. Всё это мальчику близко и дорого, это его родина, которую он любит.

Девочка Элизабет Джанио нарисовала старые дома своего квартала. Многим ребятам во Франции ещё приходится жить в таких домах.

На других рисунках вы видите кварталы Парижа, дождь на улице, чей-то портрет. Посмотришь на рисунки, и сразу как-то ближе и понятнее становится жизнь наших далёких маленьких друзей — французских ребят.

Рисунки мы взяли с выставки, которая недавно была в Москве. Напишите нам, ребята, какие из этих рисунков вам больше всего понравились.

Ю. КОРИНЕЦ

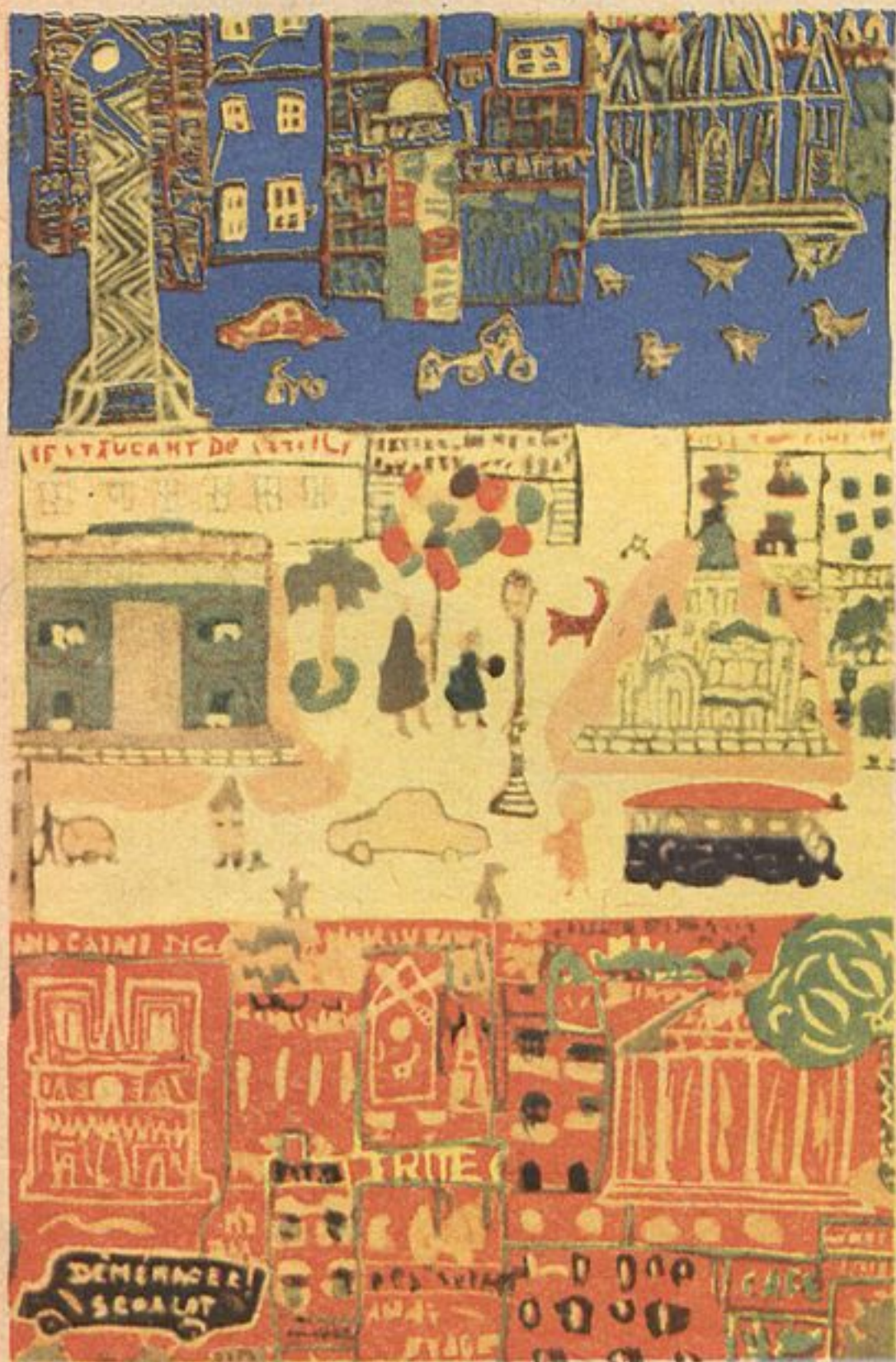
НАШИХ ДРУЗЕЙ

«Портрет».
Рисунок Микеля Брюно (7 лет).

«На прогулке. Идёт дождь...»
Рисунок Е. Ш. (5 лет).

«Старые дома моего квартала».
Рисунок Элизабет Джанио (14 лет).

«Кварталы Парижа».
Рисунок Франсуазы Детэ (12 лет).

Наталья ДОННИНИ
Рис. Ю. КОРОВИНА

ЧИЧЧИНО-„ТУРОК“

Я сразу заметила его в группе мальчишек, игравших в камешки на мостовой переулка Аниме Санте в старинном итальянском городе Палермо. Волосы у него были иссиня-чёрные и густые, большие глаза смотрели настороженно и внимательно. Я с интересом наблюдала за игрой, но тут громкий женский голос позвал:

— Чиччино-о-о-о! Чиччино-о-о-о!

И как раз тот самый мальчуган, с которым я хотела завести разговор, поднял голову и неохотно ответил:

— Иду!.. Иду!..

Волей-неволей пришлось ребятишкам кончать игру — ведь Чиччино надо было уходить. Они аккуратно измерили расстояние от одного камешка до другого и после шумных споров, наконец, решили, кто выиграл и кто проиграл.

— Тебя зовут Чиччино? — остановила я мальчугана.

— Да! — коротко ответил он.

— А кто у тебя умер? — Я показала на чёрную ленту на рукаве его пиджака.

Лицо мальчика стало печальным.

— Отец...

— А в школу ты ходишь?

— В школу? Нет, синьора, школа — для богатых! Кто будет за меня работать, если я стану ходить в школу? И хлеба в школе тоже не получишь!

— Кем же ты работаешь?

— «Турком».

— Кем, кем?

— Как вам объяснить... Одни работают дворниками, другие ещё кем-нибудь, а я работаю «турком» и этим зарабатываю на хлеб.

Прежде он говорил серьёзно, а теперь немного развеселился, удивлённый моей непонятливостью.

— Сколько же ты зарабатываешь на этой работе?

— Двести пятьдесят лир в день; ещё мне дают утром булку и несколько пирожков. В воскресенье я ни гроша не получаю. Отдыхаю, как настоящий синьор. Мама каждый день откладывает по пятьдесят лир, а в воскресенье она даёт мне «на гостинцы» пятьдесят лир. На остальные деньги покупает поесть.

— Ну, а работа-то у тебя хоть постоянная?

— Почти. У моего хозяина в городе три магазина тканей: сегодня меня выставляют в одной витрине, завтра — в другой, послезавтра — в третьей. Но потом прохожим надоедает смотреть всё на того же «турка», хоть я и перехожу из магазина в магазин. Тогда я на время становлюсь рассыльным и помогаю убирать магазин. Конечно, сидеть неподвижно в витрине да ворочать во все стороны глазами не очень легко, но уж лучше быть «турком», чем рассыльным. Мимо витрины проходят разные люди, многие смотрят на меня, смеются и говорят: «Да он и впрямь турок!» Завтра меня выставят в витрине магазина на улице Бандьера. Приходите посмотреть!

Он кивнул мне головой и пошёл к своему покосившемуся, старому дому.

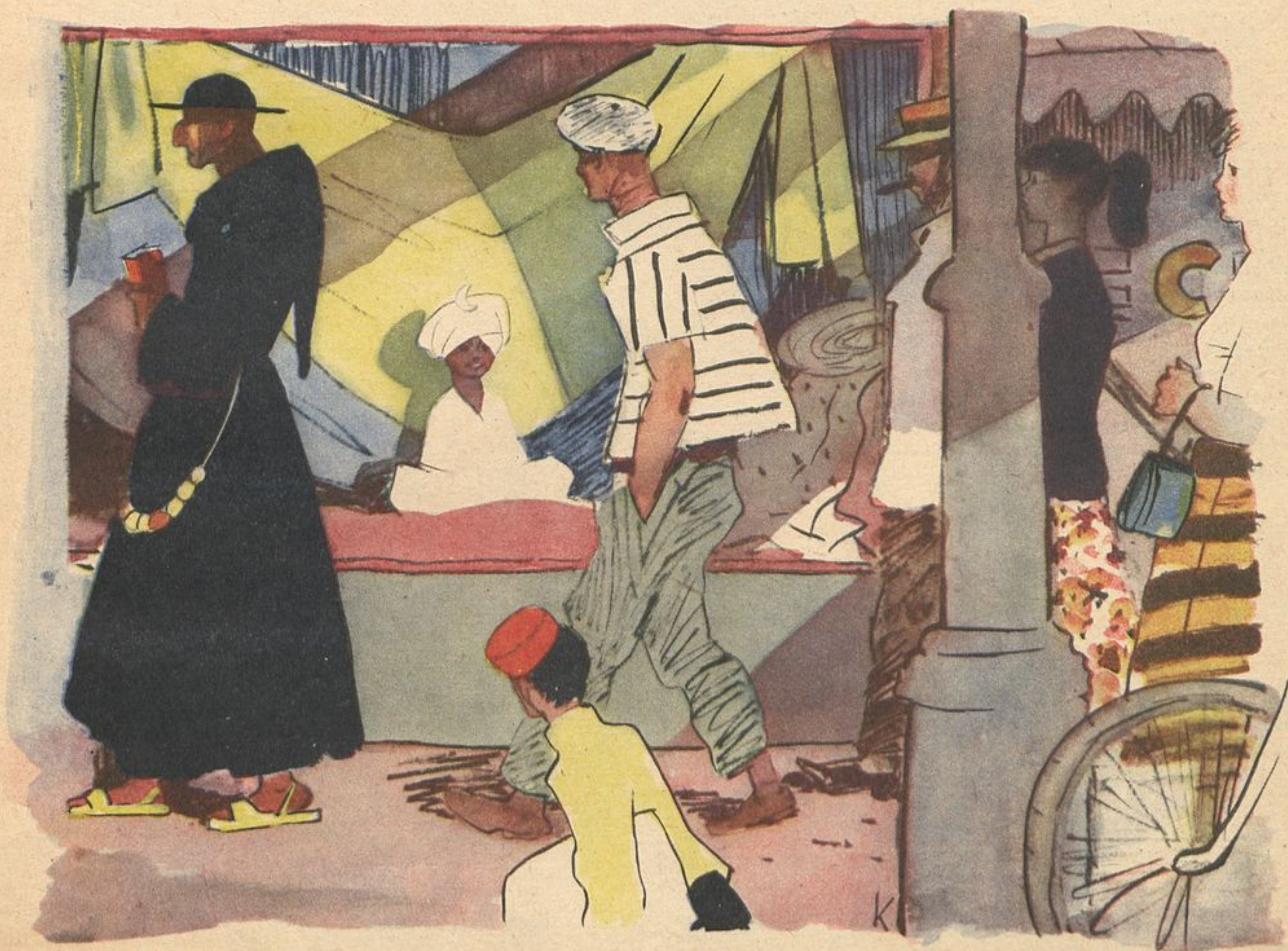
Потом я узнала, что Чиччино всего двенадцать лет и он уже год работает «турком». С девяти часов утра до часу дня и потом с четырёх часов дня и до восьми ве-

чера он неподвижно сидит в витрине, скрестив ноги и слегка приоткрыв губы.

На другой день я проходила мимо магазина на улице Бандьера. Чиччино и вправду был как настоящий турок: весь в белом, на голове большой тюрбан. Он непрерывно вращал своими чёрными глазами, сливавшимися с тёмным лоснящимся лицом, шеей, руками. Рядом лежали горы материи и белья.

Когда Чиччино увидел меня в толпе людей, стоявших у витрины, он в знак приветствия еле заметно улыбнулся, сверкнув лукавыми глазами. Этот рано оставшийся без отца мальчуган, мать которого отчаянно боролась с нуждой, радовался, что может работать «турком» за жалкие двести пятьдесят лир в день. «Я работаю «турком», — с важным видом говорит он. Но до каких пор? Что он будет делать, став взрослым, когда уже не сможет быть «турком»?..

*Перевёл с итальянского и обработал
Л. ВЕРШИНИН*

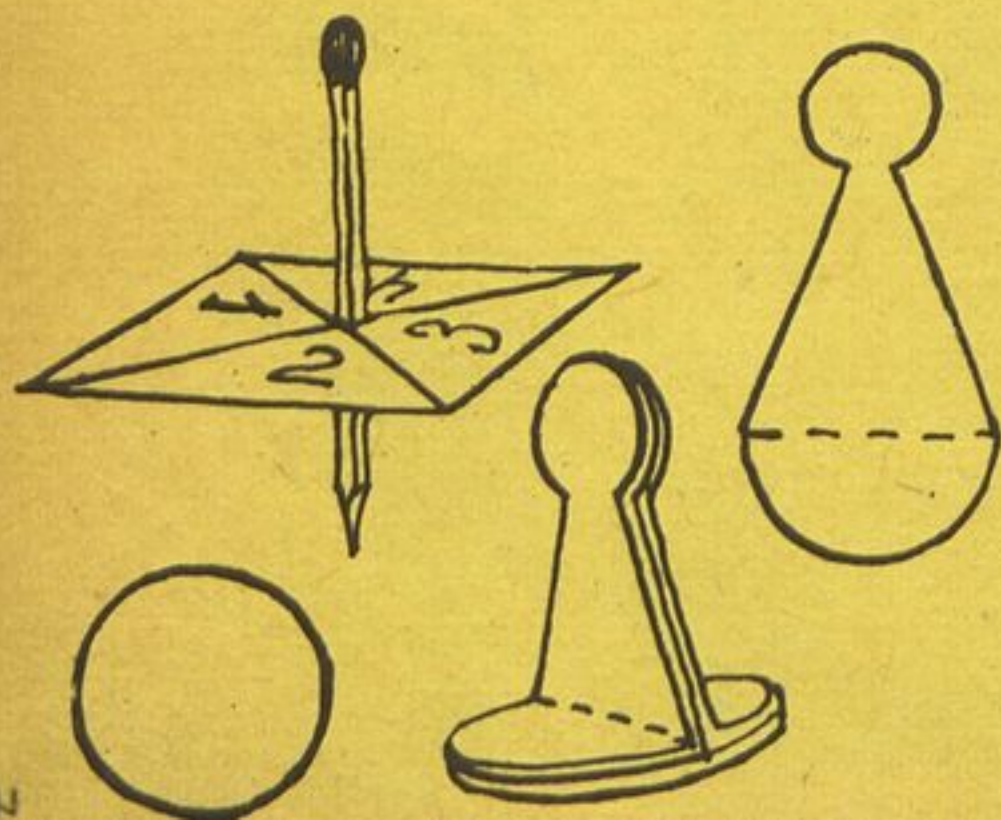
О. ДЬЯЧКОВА
Рис. В. ЧИЖИКОВА

В ГОСТИ К МИШУТКЕ

Мурзилка решил навестить своего друга медвежонка, живущего в избушке далеко в лесу. В дорогу он взял с собой лыжи, а в рюкзак положил угощение для друзей. Вместе с Мурзилкой могут идти два-четыре человека. Путешествие-игра начинается. Запускаем волчок. Остановившись, волчок падает на бок. На боку цифра. Она показывает, на сколько кружков вперёд продвигается путешественник. Ходят по очереди. По белым и красным кружкам идут без препятствий. Если попадают на синий, то сразу перепрыгивают на красный, вперёд; если на жёлтый, то возвращаются назад, на красный.

С 4 на 7, с 19 на 22, с 51 на 54 Мурзилка перепрыгивает, сделав сильный рывок на лыжах. С 12 возвращается на 9 за потерянным рюкзаком. У 14 влезает на дерево, чтобы повесить зимнюю кормушку для птиц, а повесив, проходит по ветке и сразу с 14 попадает на 34. Около 26 — незамерзающая трясина, остановка опасна, поэтому надо сразу же запустить волчок ещё раз и продвигаться по обходному пути. Около 30 Мурзилка услышал шорох, подумал, что там волк, и с перепугу съехал с 30 на 16. На 39 Мурзилка останавливается и пропускает один ход. Он водит с зайчатами хоровод вокруг новогодней ёлки. День клонится к вечеру, надо торопиться, но Мурзилка стал кататься с лисятами на санках и за это съехал с 49 на 45. Дойдя до 55, Мурзилка, наконец, попал к своему другу. Медвежонок ждёт и вас в гости. Кто придёт к нему первым, тот и будет победителем.

Волчок и фишки сделайте из тонкого картона. Фишки должны быть разного цвета.

51

52

53

54

55

39

38

37

36

35

34

33

32

31

16

15

14

13

12

11

10

9

8

7

6

5

20

21

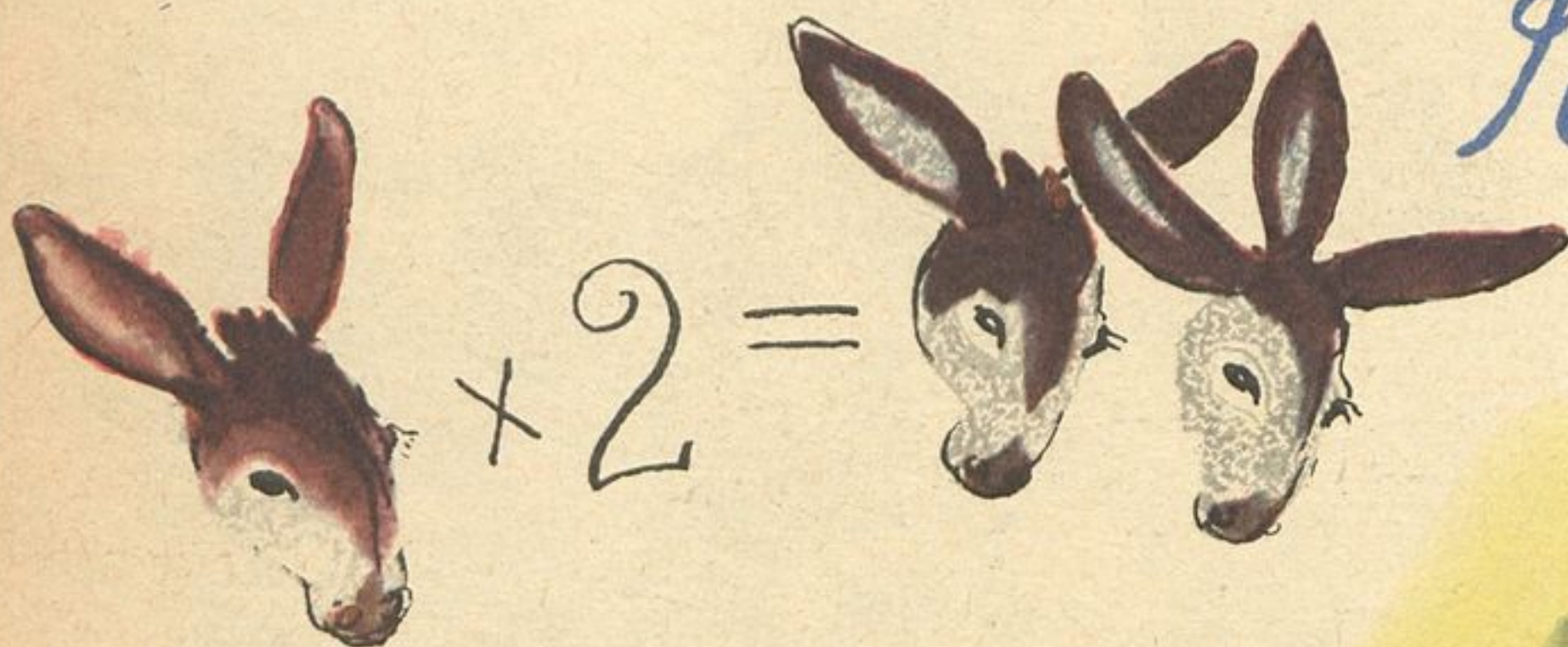
19

18

17

С. МАРШАК

Поговорки

$$2 \times 2 = 4$$

1

Таблица
Умножения
Достойна
Уважения.

Она всегда во всём права.
Что б ни случилось в мире,
А всё же будет дважды два
По-прежнему четыре.

2

МНИМЫЙ БОЛЬНОЙ

Он лежит в постели,
Дышит еле-еле.
Перед ним на стуле —
Капли и пилюли
И с водой,
И без воды,
За едой,
И без еды,
Порошки
И банки,
Пузырьки
И склянки.

Доктор пишет бюллетень:
«Баловство. Притворство. Лень».

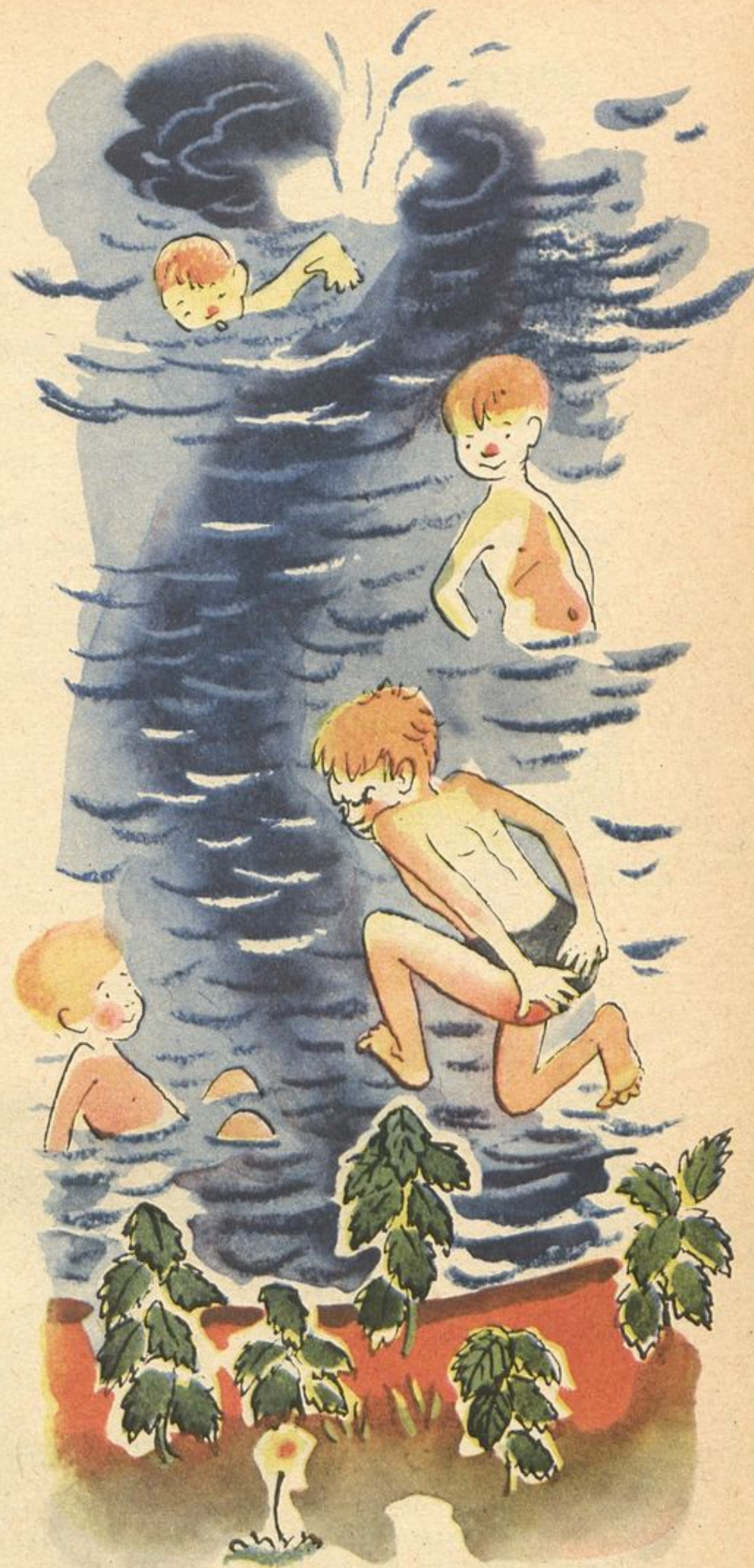

и таботоки

3

ГДЕ РЕБЕНОК?

Башлык —
Штыком.
Малахай —
Под башлыком.
Шерстяные шаровары
Да чулок четыре пары.
Наворочено одёж,
А ребёнка не найдёшь!

4

ДРУЖЕСКИЙ СОВЕТ

На крапиву
Не садись.
Если сядешь —
Не сердись!

НАШ СБОР

У НАС ВО ДВОРЕ ВЕСЕЛО

Вадим ЯКОВЛЕВ,
доктор педагогических наук

Некоторые ребята говорят: «Лето весёлое, а зима скучная. Мороз. Играть не во что».

Не верю я таким ребятам: не зима скучная, просто они сами скучные.

У нас в звёздочке и зимой и летом всем весело.

Посмотри, в какие интересные игры мы играем зимой. В эти игры в каждом дворе играть можно. Были бы желающие.

НА ПЛОЩАДКЕ ДЕД МОРОЗ

Наш вожатый Саша — Дед Мороз. Он ходит по площадке и поёт:

Я Мороз, Красный нос.
Я метель с собой принёс!
Поморозить вас люблю,
Всех сейчас переловлю!

Все ребята хором отвечают:

Мы — весёлые ребята,
Мы — ребята-октябрюта,
Любим бегать и играть.
Ну, попробуй нас догнать!

Бегут. Саша ловит. Выигрывает тот, кого ни разу не поймали.

ТРОЙКИ

А это игра в лошадки. Впереди две тройки — шесть коней. Ребята, став по трое, берутся за руки. Каждого среднего, коренника, запря-

ЛУННЫЙ ГЛОБУС

Когда чуть-чуть сыро и снег хорошо лепится, мы строим снежные дома и крепости.

Из снега можно сделать и атомный ледокол «Ленин». Тут всей звёздочке дела достанет. Кто — капитан, кто — штурман, кто — рулевой, кто — повар. Вперёд!.. Поплыли сквозь льды расчищать кораблям путь.

А недавно мы сделали лунный глобус.

Скатали снежный ком. Большой-большой! Потом вкатили этот ком на замёрзшую клумбу. Получился шарик на ножке, вроде глобуса. Наш вожатый помог нам вылепить на нём моря, цепочки гор, а мы прикрепили сбоку флажок, наш вымпел, — и лунный глобус готов.

Если его облить водой, то он простоит всю зиму. Играй себе во что хочешь: в спутников, в звёзды, в лунные путешествия.

гают в санки. На них садится кучер. Тройки выезжают на дорогу. Вожатый подымает флажок: «Марш!» Понеслись... Чья тройка быстрее пересечёт линию вон там, за 25 метров от на-

чала, тот и выигрывает. Играем четыре раза, чтобы все ребята были и кучерами и лошадками. Словом, как в пословице: «Любишь кататься — люби и саночки возить».

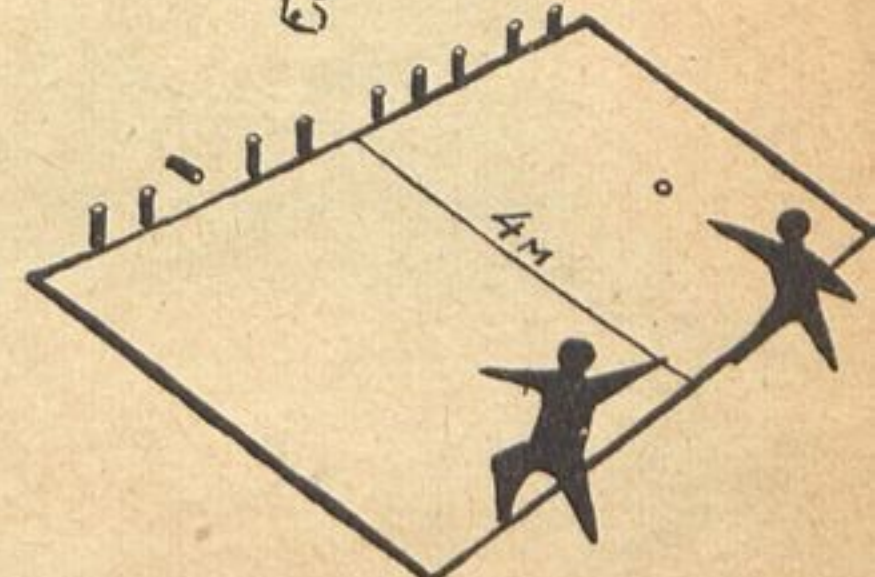
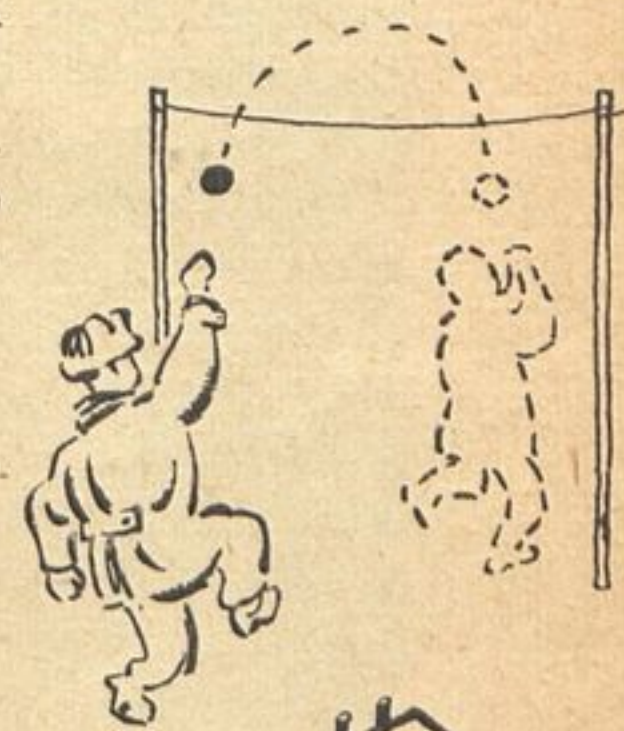
ЗИМНИЕ СОРЕВНОВАНИЯ

Надо съехать на ногах с ледяной горки (чтоб удобней было, привяжи к ногам два фанерных кружочка).

Натяни туго верёвочку. Возьми мяч. Теперь брось его через верёвочку и — за ним следом. Сумеешь ты или не сумеешь пробежать под верёвочкой, догнать и поймать на лету мячик?

Здесь тебе всё знакомо. Это городки, только не летние, а зимние. Вместо палок — снежки. Каждая команда ставит на линию пять городков. Раз-два — кто быстрее собьёт?

БУРМИСТР

Д.М. ВАЛЕНТЕЙ

Рис. А. ЛИВАНОВА

Поутру в море мы обратили внимание на страшный переполох среди бургомистров — больших и красивых чаек. Они разлетались в разные стороны и непривычно испуганно голосили. Это поморник — короткохвостая чёрно-белая птица — гонялся за чайкой, схватившей рыбу. Чайка металась из стороны в сторону; она то распластывалась над самой водой, то, отталкиваясь от волны длинными сильными крыльями, взвивалась в небо. Хищник не оставлял её, принуждая выбросить уже проглоченную добычу. Загнутый крюком клюв поморника не раз настигал чайку. К воде медленно летели белые перья.

Измученная чайка теряла последние силы. Тогда, видно пересилив страх, она стремительно скользнула к нашей лодке и плюхнулась на корму. Мы бросились к чайке. Поморник и тут не хотел оставлять свою добычу. С поразительной скоростью, непрерывно крича, описывал он над лодкой неровные круги.

Чайка лежала на канатах, распластав одно крыло и широко открыв клюв. Загнанная вконец, она обмерла и не сопротивлялась, когда гидролог Чернов взял её в руки.

Так чайка попала на нашу экспедиционную базу. Чернов прозвал её для краткости Бурмистром.

Чайка скоро оправилась от ударов острого клюва поморника, но первое время тяжело переносила неволю: лежала в ящике, который приспособил для неё гидролог, и ничего не ела. Комната, где жил Чернов, была довольно большая, однако потолок невысокий, и солнце лишь ранним утром проникало косыми лучами на одну из её стен. После небесных глубин чем всё это представлялось нашей чайке?

Постепенно птица стала осваиваться в необычной для неё обстановке.

Вернувшись как-то с дежурства, Чернов не обнаружил чайки в ящике. Гидролог всполошился: не мог понять, куда она могла деться? Чайка оказалась в углу комнаты, около отверстия в полу, откуда изредка наведывались мыши, чтобы собрать под столом хлебные крошки.

— Вот оно дело какое! — смеялся потом дядя Саша, старый охотник, наш каюр и повар. — Значит, здесь, на Севере, чайка заменяет кошку.

Мы долго обсуждали этот случай, а Чер-

нов, что ни день, обогащал наши познания о жизни и повадках птиц.

Однажды он спросил меня:

— Когда ты засыпаешь, твои веки опускаются вниз и прикрывают глаза, так ведь?

— Конечно. Твой Бурмистр, видимо, поступает иначе? — иронически заметил я.

— Представь себе, да! Его веки поднимаются снизу вверх.

— Жалко мне вас, горожан, — смеялся дядя Саша. — Дичь-то вы только на прилавке видите. У всех птиц так.

Со временем Бурмистр ел уже из наших рук, стремительно схватывал заснувшую рыбу, точно она может нырнуть в глубину. Когда не было рыбы, чайка не отказывалась от яиц и от остывшей моржатины.

С каждым днём птица всё более привязывалась к людям, да и мы очень привыкли к ней. Когда Чернов работал за столом, чайка подолгу сидела подле и моргала глазами снизу вверх.

Случилось, в ожидании хозяина Бурмистр целый час просидел у открытой форточки и не улетел: то ли ему казалось, что перед ним по-прежнему стекло, о которое он не раз уже больно бился головой и крыльями, то ли, не видя в воздухе других чаек, не решался вернуться на свободу.

Мы стали выносить Бурмистра на воздух. Полетав и расправив занемевшие крылья, он опускался на штабеля брёвен или на карнизы построек. Теперь он откликался на зов, и мы перестали опасаться за него: не улетит.

А солнце всё кружилось и кружилось над нашими головами. Однако движение его становилось всё более вялым, круги всё шире и шире. Оно охладевало к нам и всё ниже спускалось к горизонту. Полярное лето шло на убыль, надвигалась полярная ночь. Птицы косяками уходили на юг, одни — далеко-далеко, другие — лишь в материковую тундру. Проплыли на юг и моржи — верные предвестники льдов и холодных туманов.

Бурмистр вёл себя спокойно.

Но однажды случилось то, чего мы с тревогой ждали. Бурмистр бросился к го-
лосящей стае чаек-бургомистров, улета-
вших на юг. В три голоса мы начали звать
его:

— Бур-мистр! Бур-мистр!

Бурмистр ворвался в стаю чаек, но, про-
летев сквозь неё, стремительно начал сни-
жаться и вернулся обратно к нам.

Мы решили: будь что будет! Нам жаль

было расставаться с приручённой птицей,
но мы не хотели и заневолить её.

На следующий день — видно, с пос-
ледней стаей — наша чайка улетела
на юг.

Дни стали короткими, тусклыми, а вско-
ре солнце совсем скрылось с наших глаз.
Зимними вечерами мы нередко воспомина-
ли о нашей приручённой чайке. Вернётся
Бурмистр или нет? Ведь юность его про-
шла на нашей базе, а птицы возвращают-
ся весной на старые, уже изведанные
места.

И вот пришла весна, кончилась поляр-
ная ночь, прилетели чайки.

Когда чайки, кружившие невдалеке от
нас, подлетали совсем близко, мы высмат-
ривали среди них нашего Бурмистра, зва-
ли его. Но птицы только пугались крика и
отлетали подальше.

Не раз мы наблюдали, как чайки спаса-
лись от хищного поморника. Как-то одна
из них бросилась в нашу сторону, но на
лету выбросила пойманную добычу, а хищ-
ник схватил рыбу, не дав ей упасть в море.

Возможно, это был наш, повзрослевший
и набравшийся жизненного опыта, Бур-
мистр.

Виктор ГОЛЯВКИН

ПАРОХОД И ЛОШАДЬ

Когда я ходил ещё в школу, в первый
класс, я любил рисовать пароходы. Я всем
хвалился:

— Вот какие замечательные пароходы
я могу рисовать!

И вот однажды я спросил одного маль-
чишку, может ли он нарисовать такой за-
мечательный пароход, — я тут же нарисо-
вал большой пароход с пушками, всё как
полагается. Потом я подрисовал море си-
ним карандашом, а красным карандашом
флаг на мачте. И получилось совсем хоро-

шо: плывёт по морю пароход, а на мачте
у него развевается красный флаг.

Мальчишке понравился мой корабль, но
он мне сказал:

— Я могу лошадь нарисовать.

И он нарисовал лошадь.

Эта лошадь была так хорошо нарисова-
на, что я удивился и никогда не хвалился
больше своими пароходами, потому что
такую лошадь я не сумел бы нарисовать
никогда.

ДЕТЁНЫШ ТРАКТОРА

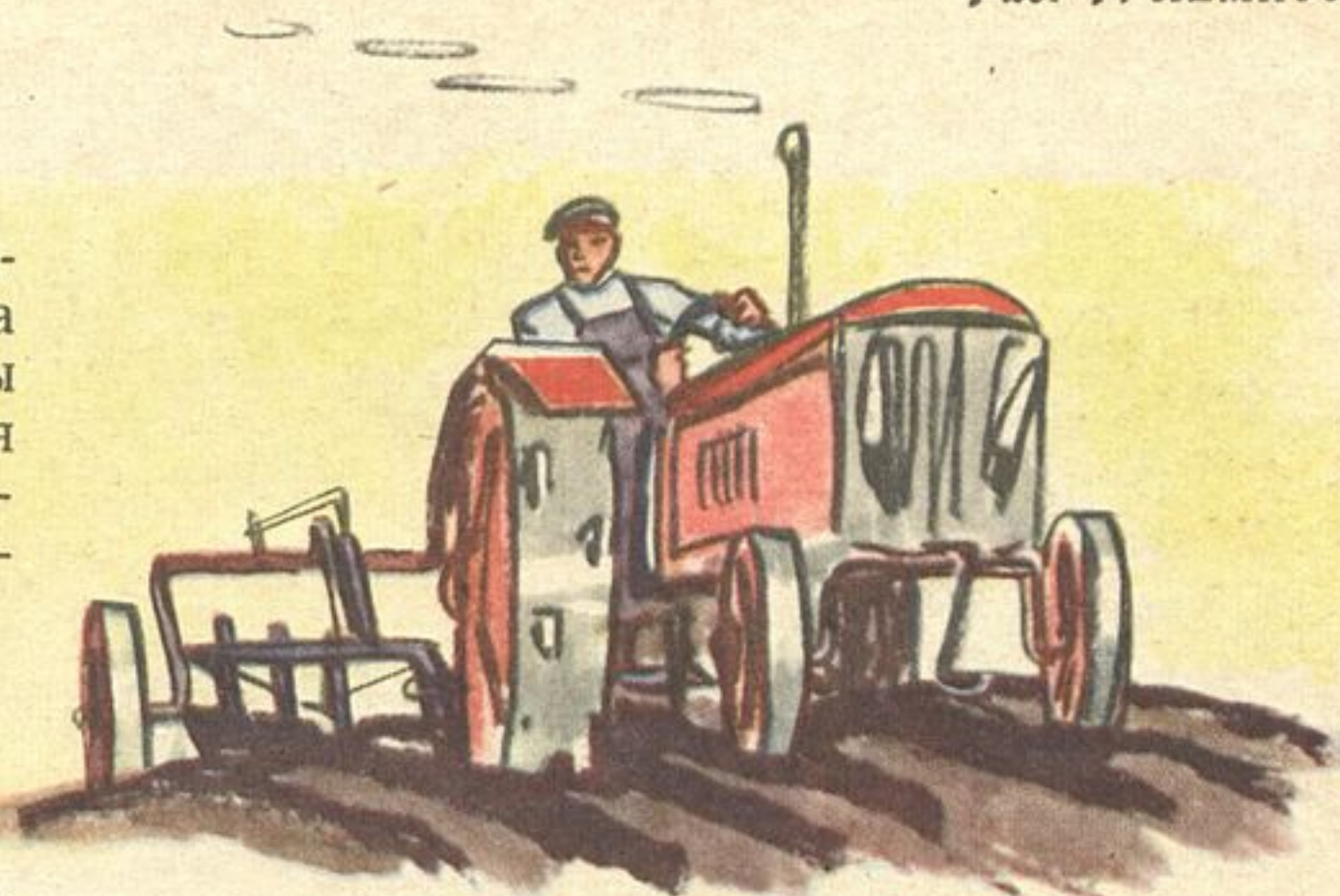
В выходные дни мы с Реджепкули выходим на прогулку. Но сегодня мы решили гулять не в городе, а отправиться в село. Мы там увидели много интересного. Для Реджепкули всё это было незнакомо. В поле трактор пахал землю.

— Это что? — спросил я у сына.

— Трактор, — ответил Реджепкули.

— А вон что прицеплено к трактору? — спросил я опять.

— А то детёныш трактора! — ответил мой сын.

ТАМ, ГДЕ ЖИВЁТ ШУРИК

Однажды Реджепкули, увлечённый игрой, ушёл далеко от дома.

— Мальчик, ты куда идёшь? — спросил его милиционер.

— Домой, — ответил ему Реджепкули.

— А где ваш дом? — спросил его милиционер.

— Там, где живёт Шурик, — ответил ему Реджепкули.

Ребята, правильно ли он ответил?

Перевёл с туркменского Иса ХОДЖАЕВ

ВЕРБЛЮД ЕСТ ЗМЕЮ...

Мы с Реджепкули любим рассматривать книжки с картинками. Однажды мы сидели, смотрели картинки и задавали друг другу вопросы.

— Это что? — показал я Реджепкули коня.

— Конь! — ответил он.

— А это что? — показал я на машину.

— Машина! — уверенно ответил он.

Потом я указал ещё на одну картинку.

— Угадай, что нарисовано здесь?

— Верблюд ест змею, — ответил он.

Что же было там нарисовано?

НАБЛЮДАЙ САМ

Г. СКРЕБИЦКИЙ

Февраль — последний месяц зимы, самый снежный, самый метельный. Разгуляется непогода, закрутит пурга — света белого не видно. Кажется, что зиме и конца не будет.

Но вот затих ветер, перестал идти снег, солнце выглянуло — чудо как хорошо! Так и хочется надеть лыжи и сбегать в ближайший лесок.

Теперь он весь белый, пушистый. Под тяжестью снега склонились ветви деревьев. А внизу под ними много-много разных следов.

На днях наш художник побывал в зимнем лесу и зарисовал различных его обитателей.

Ну-ка, юные натуралисты, разглядите их хорошенько, постарайтесь узнать, какие звери здесь нарисованы. Позна-

Рис. Г. НИКОЛЬСКОГО

комьтесь получше с этими рисунками, а потом в свободный денёк сходите на лыжах в ближайший лес, понаблюдайте за тем, как зимуют в нём звери и птицы. Запишите в свой дневник всё, что подметите. Если сможете, зарисуйте лесных обитателей или их следы.

Присылайте нам ваши записи и рисунки.

А теперь, ребята, прочтите сказку про зайца и лося.

ТРУСИШКА-ХВАСТУНИШКА

Бегал заяц как-то зимой по лесу и увидел огромного лося. Тот стоял возле осинки, объедая кору.

— Зачем ты осинку обгладываешь? — закричал ему заяц. — Разве не знаешь, что это моя, зайчиная, еда? Уходи вон из моего леса!

— А почему это твоя осинка, твой лес? — возмутился лось. — Давай-ка, приятель, сперва поборемся, померимся силою; кто победит — тот и будет хозяином леса. Таков исстари звериный обычай.

Струсил заяц, но виду не подаёт.

— Давай, — отвечает лось. — Только как же мы будем биться: у тебя рога, а у меня нет? Так сражаться нечестно.

— Твоя правда, — ответил лось. — Это дело я мигом улажу.

Зацепил он рогом за дерево и обломил себе сперва один рог, потом второй.

— Вот это по-честному, по-зайчиному, — похвалил косой. — Теперь нам надо кого-нибудь из зверей в судьи выбрать, чтобы за нашим поединком следил.

— Хорошо, — одобрил лось. — Ви-

дишь, бежит лиса. Попросим её. Лиса зверь смывлёный, сумеет нас рассудить.

Увидел заяц лису, ещё больше струхнул.

— Нет, — говорит, — на это я не согласен. Я хочу, чтобы наш поединок судил самый сильный, самый могучий зверь — Михаил Иванович Топтыгин. Сейчас я его сюда приведу. — Сказал да и марш в кусты.

С тех пор, как приходит зима, лось рога сбрасывает, к поединку с зайцем готовится. А зайчишка тоже не дремлет: бегает по лесу, будто и впрямь медведя разыскивает.

Да только хитрит косой: сам ведь отлично знает, что медведь всю зиму под снегом в берлоге спит. Попробуй найди его!

Ребята, ответьте нам на вопросы:

1. Чем кормятся в зимнем лесу лоси и зайцы?
2. Что происходит с рогами у лося в начале зимы?
3. Почему заяц боится лисы?
4. Где и как медведь обычно проводит зиму?

На обложке рисунок М. УСПЕНСКОЙ

Макет В. ЛОСИНА

Редколлегия: З. АЛЕКСАНДРОВА, А. БАРТО, Л. ВИНОГРАДСКАЯ (редактор), Л. ВОРОНКОВА, А. ЕРМОЛАЕВ, Н. ЕМЕЛЬЯНОВА, Е. ЕРШОВА (зам. редактора), М. КОРШУНОВ, Ю. КОРИНЕЦ, С. МАРШАК, Ю. НАГИБИН, К. ОРЛОВА (ответственный секретарь), Е. РАЧЁВ.

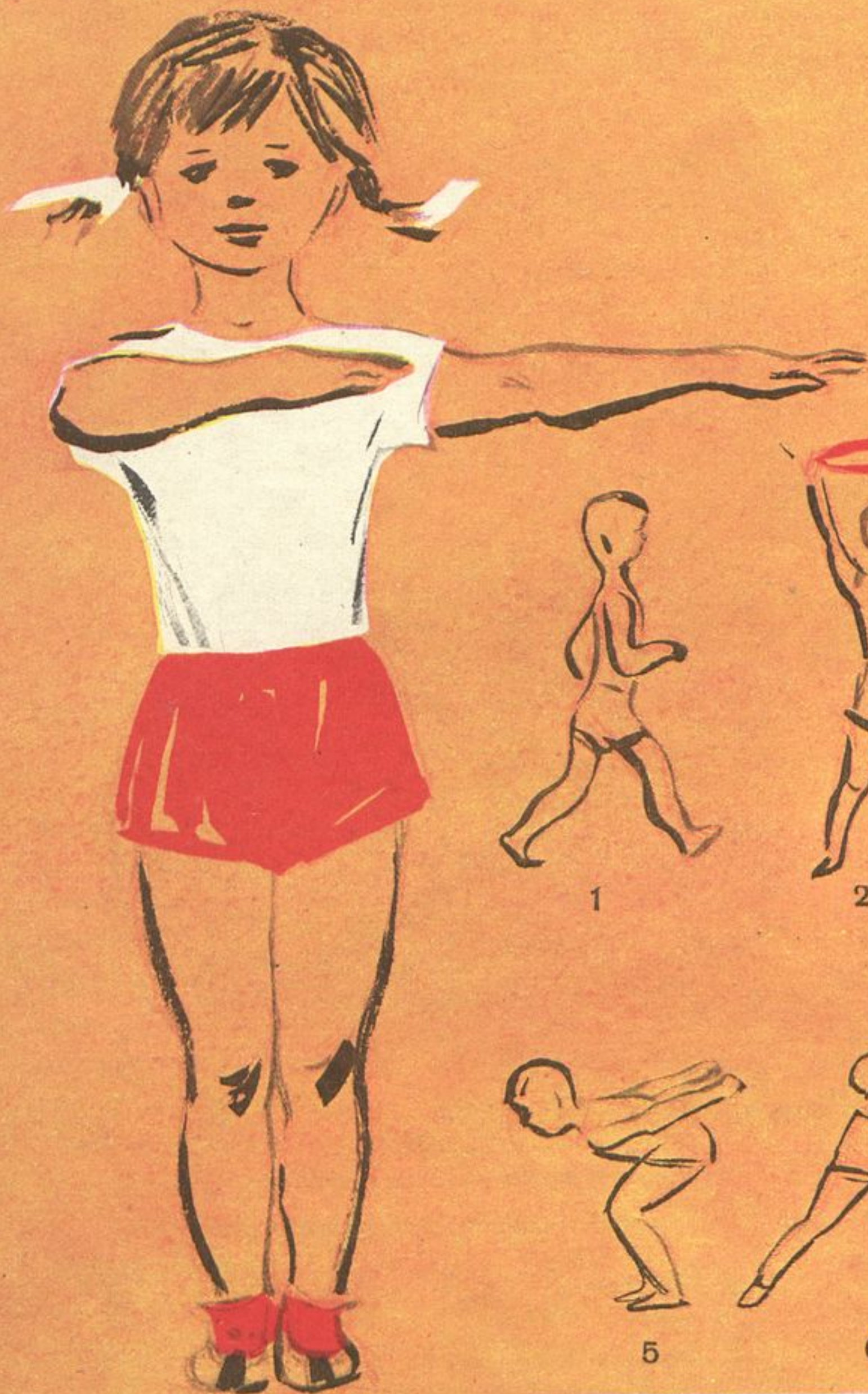
Худож. редактор Ю. Молоканов. Техн. редактор Г. Голубкова

Год издания тридцать шестой Цена 1 руб. Изд-во ЦК ВЛКСМ

«Молодая гвардия». Подп. к печати 28/XII 1959 г. Бумага 60×92¹/₈. Печ. л. 3 (3). Уч.-изд. л. 2,8. Тираж 1 000 000 экз. Заказ 2440.

Адрес редакции и типографии «Красное знамя» изд-ва «Молодая гвардия»: Москва, А-55, Суцёвская, 21. Телефон: Д 0-45 08.

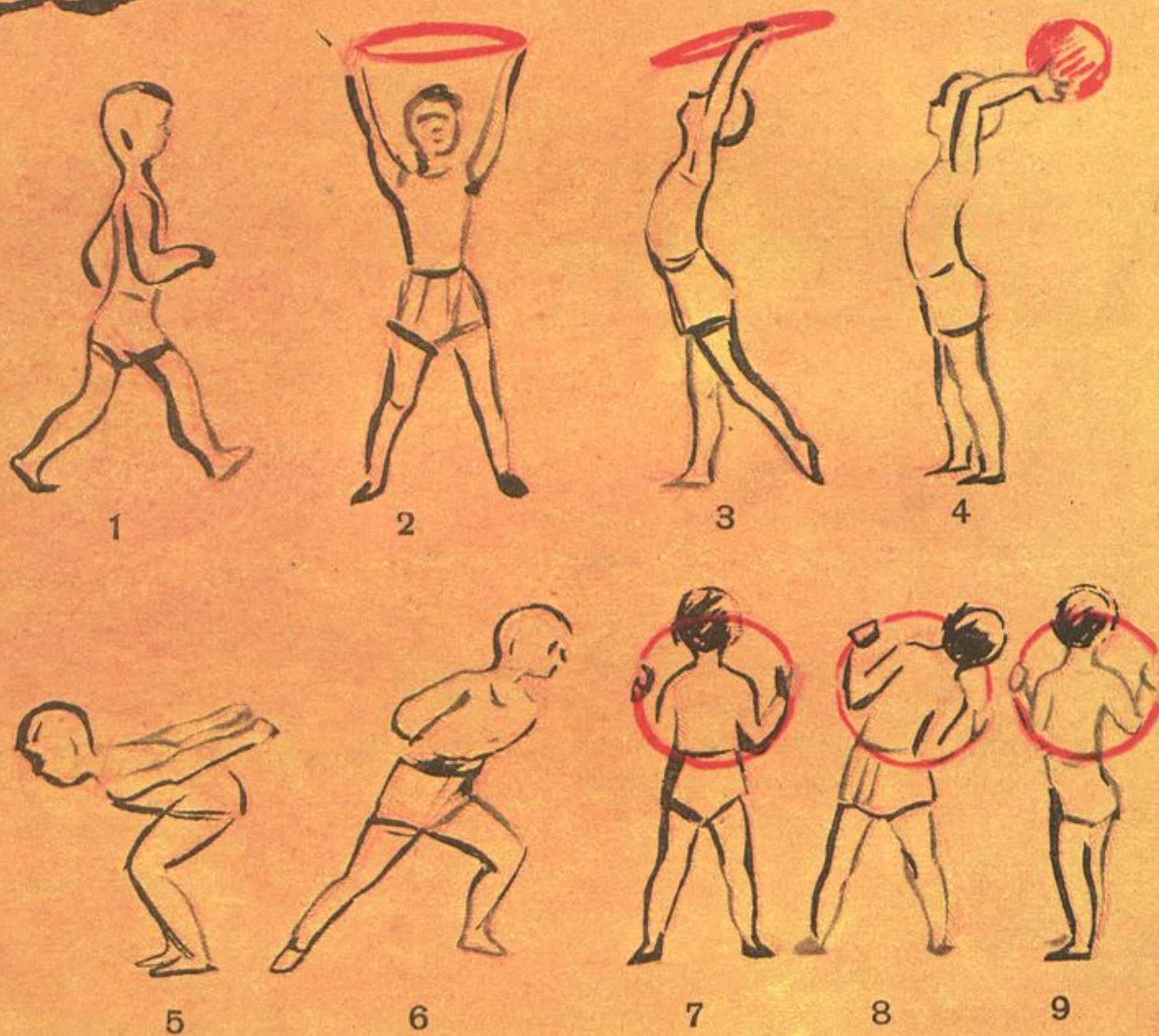
НАША ЗАРЯДКА

Кто спит в постели сладко?
Давно пора вставать!
Спешите на зарядку,
Мы вас не будем ждать!

1

Распахнуто окошко.
Нам холод нипочём!
Походим мы немножко
И сон с себя стряхнём.

2, 3

Но чтоб совсем проснуться,
Нам нужно «потянуться».

Начинай! Не спеши!
Через нос ровней дыши.

4

Я возьму мяч большой,
Подниму над головой.

Прогну спину,
Мяч назад кину.

5, 6

Чтоб ногам работу дать,
Будем дружно приседать.

7, 8, 9

Взял Серёжа обруч свой,
Держит обруч за спиной.

Всё, что делает Серёжа,
Повторить попробуй тоже.

А теперь, детвора,
Умываться пора!

Екатерина КАН